

А. А. Боровков*

Сфера предпринимательской деятельности как признак объективной стороны мошенничества, предусмотренного частями 5—7 статьи 159 УК РФ

Аннотация. Статья посвящена проблеме установления содержания термина «сфера предпринимательской деятельности» как конститутивного признака мошенничества, ответственность за которое наступает по ч. 5—7 ст. 159 УК РФ. Автор анализирует точки зрения ученых, положения закона и судебная практика. Обоснован вывод, что при толковании термина «сфера предпринимательской деятельности» правоприменителю следует отталкиваться от определения термина «предпринимательская деятельность», которое дано в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Отмечается, что для повышения качества правоприменительной деятельности судебно-следственным органам необходимы дополнительные ориентиры, позволяющие разграничивать между собой общий состав мошенничества и мошенничество, совершаемое в сфере предпринимательской деятельности. На основе судебной практики применения норм об ответственности за предпринимательское мошенничество и доктрины уголовного права сформулированы критерии, влияющие на разрешение вопроса о наличии или об отсутствии признака «сфера предпринимательской деятельности» при квалификации мошеннического посягательства.

Ключевые слова: мошенничество, сфера предпринимательской деятельности, субъект предпринимательской деятельности, направленность на систематическое получение прибыли.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.111-119

Одним из элементов, характеризующих содержательную сторону уголовно-правовой политики, является обнаружение негативных явлений, с которыми необходимо бороться уголовно-правовыми средствами. Эффективность такого рода борьбы достигается путем криминализации или дифференциации уголовной ответственности за общественно опасные деяния. В доктрине уголовного права неоднократно высказывались предло-

жения о выделении из общего состава мошенничества отдельных его видов¹. При этом как в теории, так и на практике особое внимание уделяется вопросам правового регулирования отношений, связанных с предпринимательской деятельностью, в том числе возникающих в связи с совершением противоправных деяний в указанной сфере.

Динамичное развитие общества, появление новых форм общественно опасных пося-

¹ Ильин И. В. Мошенничество, совершаемое в экономической сфере, как уголовно-правовой и криминологический феномен : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2010. С. 63.

© Боровков А. А., 2018

* Боровков Артем Александрович, аспирант кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета, ассистент borovkov.aa@yandex.ru
660093, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

гательств на собственность способствовали дополнению уголовного закона ч. 5—7 ст. 159 УК РФ, устанавливающими ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Одной из отличительных черт объективной стороны данной разновидности мошенничества является указание на то, что оно совершается в сфере предпринимательской деятельности.

С позиции теории состава преступления данный признак является описанием обстановки совершения противоправного деяния. Использование термина «сфера предпринимательской деятельности» затрудняет применение действующих уголовно-правовых норм, так как этот термин не имеет легального определения ни в материальном, ни в процессуальном законодательстве. В связи с этим Г. А. Есаков отметил, что данный технический прием законодателем выбран неудачно. Автор пояснил, что этот признак описывает сферу экономической деятельности, где совершается преступление, а не саму экономическую активность. Другими словами, в сфере предпринимательской деятельности могут быть неисполняемы различные договорные обязательства, в том числе не связанные с предпринимательской деятельностью как таковой. И напротив, что более важно, предпринимательская по существу деятельность, но совершаемая лицом, формально не включенным в эту сферу, не дает оснований — также формально — для квалификации содеянного по статье, предусматривающей ответственности за данный вид мошенничества².

Полагаем, что отсутствие конкретизированного определения данного термина в УК РФ, а также иных нормативных актах не дает оснований считать, что он не имеет законодательно установленных границ, в силу чего недопустимо его произвольное истолкование. Указанная

законодательная небрежность преодолевается путем системного анализа действующего законодательства. В связи с этим попытаемся ответить на вопрос: что следует относить к «сфере предпринимательской деятельности» в целях квалификации деяния по ч. 5—7 ст. 159 УК РФ?

В силу того что нет какой-то отдельной области общественной жизни, в которой только и осуществляется предпринимательская деятельность, при раскрытии содержания признака «сфера предпринимательской деятельности», с нашей точки зрения, следует отталкиваться от законодательного определения термина «предпринимательская деятельность», который, в отличие от термина «сфера предпринимательской деятельности», имеет легальное толкование.

С позиции теории предпринимательского права большинство авторов признают, что легальное определение термина «предпринимательская деятельность» раскрыто в п. 1 ст. 2 ГК РФ³. Говоря о сфере применения указанного определения, В. В. Лаптев отмечает, что, будучи сформулированным в ГК РФ, данное определение ориентировано на отношения, регулируемые этим законом⁴. На наш взгляд, если в теоретическом плане такая позиция имеет право на существование, то с точки зрения практики она необоснованна, что неоднократно отмечал Верховный Суд РФ.

В частности, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» позиция Верховного Суда по аналогичному вопросу выражена следующим образом: «Для разрешения вопроса о предпринимательском характере деятельности судам надлежит иметь в виду, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск

² Есаков Г. А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 41.

³ Российское предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. 4-е изд. М. : Проспект, 2012. С. 19.

⁴ Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник / Н. Н. Вознесенская, С. С. Занковский, В. В. Лаптев [и др.] ; под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 21.

деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке... преступления... следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности...»⁵

По нашему мнению, системное толкование уголовно-правовых норм в совокупности с нормами гражданского права позволило Верховному Суду сформировать ориентир для правоприменителя при решении вопроса о наличии или об отсутствии признака «сфера предпринимательской деятельности» при квалификации конкретного мошеннического посягательства. Отсюда к «сфере предпринимательской деятельности» необходимо относить такую область экономической активности, которая отвечает критериям предпринимательской деятельности, то есть обладает ее признаками, а именно: самостоятельностью, рискованностью, направленностью на систематическое получение прибыли и организованностью надлежащим образом.

Признак самостоятельности подразумевает под собой независимость, действие от своего имени, характеризует имущественную и организационно-правовую самостоятельность предпринимателя⁶. В свою очередь, рисковый

характер деятельности исключает принятие со стороны предпринимателя исчерпывающих мер, позволяющих избежать убытков в имущественной сфере⁷.

Сложность признака «направленности на систематическое получение прибыли» заключается в том, что в юридической доктрине он толкуется неоднозначно в связи с различным пониманием терминов «систематичность» и «направленность на получение прибыли». Например, в одном случае систематичность рассматривается как деятельность, характеризующаяся целевой направленностью на совершение не одно-, двух-, трехразовых актов, а многочисленных, не ограниченных количественным пределом актов-операций, сделок, действий⁸. В другом случае она заключается как в совершении многочисленных сделок, так и в совершении одной крупной сделки, выполнении какой-либо значительной работы, оказания услуг, в процессе которых фактически осуществляется система действий, направленных на извлечение прибыли⁹.

Важно отметить, что ни в нормативных актах, ни в юридической доктрине не содержится каких-либо критериев, однозначно характеризующих термин «систематичность». Тем не менее судебной практикой выработана правовая позиция, согласно которой лицо, осуществляя предпринимательскую деятельность, должно ставить перед собой цель не разового извлечения прибыли, а ее получения на постоянной основе. Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что «...отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состав данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

⁶ Ершова И. В., Иванова Т. М. Предпринимательское право. М., 2000. С. 34.

⁷ Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России : научные очерки. М., 2008.

⁸ Лебедев К. К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты. Предпринимательское и коммерческое право в системе права и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин. СПб., 2002. С. 80.

⁹ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 184.

работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли»¹⁰.

Относительно термина «направленность на получение прибыли» следует пояснить, что получение прибыли — это цель предпринимателя, ее наличие придает его деятельности коммерческий характер. Поэтому, как верно было замечено И. В. Ершовой, отсутствие по итогам отчетного периода прибыли не влияет на квалификацию деятельности как предпринимательской¹¹. Указанная правовая позиция была сформулирована Верховным Судом РФ, который разъяснил, что «...само по себе отсутствие прибыли не влияет на квалификацию правонарушений, предусмотренных статьей 14.1 КоАП РФ, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом»¹².

Также необходимо учитывать, что предпринимательская деятельность должна быть организована надлежащим образом, то есть зарегистрированной в установленном законом порядке. Этот признак формальный, так как его отсутствие не исключает предпринимательскую деятельность, а всего лишь делает ее незаконной.

С нашей точки зрения, перечисленные подходы актуальны и применимы в том числе к составу мошенничества, предусмотренному ч. 5—7 ст. 159 УК РФ. Однако на практике складываются ситуации, когда по одним и тем же категориям дел одни суды квалифицируют мошенничество как совершенное в сфере предпринимательской деятельности, а другие, наоборот, не усматривают данный признак в деянии виновного, что

позволяет вменить ему норму общего состава мошенничества¹³.

В связи с этим можно констатировать, что вопрос о том, когда мошенническое посягательство следует считать совершенным в сфере предпринимательской деятельности, а когда нет, является дискуссионным. Поэтому на основе анализа материалов судебной практики попытаемся определить критерии, которые учитывает правоприменитель при установлении признака «сфера предпринимательской деятельности».

Первым критерием является цель, которой руководствовалось лицо при создании коммерческой организации или получении статуса индивидуального предпринимателя. Иными словами, к сфере предпринимательской деятельности не относится деятельность «лжепредпринимателей» или руководителей (сотрудников) «лжеорганизаций» (фирмы-однодневки), которые используют статус субъекта предпринимательской деятельности в качестве прикрытия для осуществления противозаконной деятельности.

В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подтвердила, что Б. совместно с другими лицами изначально имел умысел на хищение чужого имущества, созданные ими для этих целей ООО1 и ООО2 никакой хозяйственной или другой деятельностью не занимались, а лишь использовались для заключения договоров на поставку нефтепродуктов, которых у них не имелось. При таких данных оснований считать, что совершенное Б. мошенничество непосредственно связано с осуществлением предпринимательской деятельности и переквалификации его действий на

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12.

¹¹ *Ершова И. В.* Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // *Lex Russica*. 2014. № 2.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18.

¹³ В частности, о такой несправедливости в отношении дольщиков указывалось в специальной литературе (см., например: *Барабаш А. С., Севастьянов А. П.* Обоснованность размера наказания за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности в связи с практикой квалификации мошенничества в сфере долевого строительства // *Вестник Омского университета*. Серия : Право. 2014. № 4 (41). С. 197).

ст. 159.4 УК РФ, о чем поставлен вопрос в жалобе, не имеется¹⁴.

Вторым критерием, указывающим на осуществление мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, является статус субъекта данного вида мошенничества.

Так, ссылаясь на п. 1 ст. 2 ГК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что субъектом предпринимательского мошенничества является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, — собственник предприятия (организации), руководитель (директор и т.п.), индивидуальный предприниматель, их представители. М. являлся субъектом предпринимательской деятельности, так как был одним из учредителей и с 01.12.1998 — генеральным директором общества, которое было учреждено до указанных в приговоре обстоятельств. Таким образом, действия М. следует квалифицировать как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в особо крупном размере¹⁵.

Третий критерий, который в совокупности с иными может, по мнению судов, свидетельствовать о совершении мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, — время существования хозяйствующего субъекта. Другими словами, длительность функционирования коммерческой организации может послужить одним из оснований для отнесения деяния к разряду предпринимательских преступлений.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия К. с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 3 ст. 159.4 УК РФ, указав наряду с другими фактами, что районный суд, суд апелляционной инстанции, а также президиум Самарского областного суда не дали оценки тому, что ООО было учреждено в 1999 г. и до указанных в приговоре событий, К., воз-

главляя ООО, уже являлся субъектом предпринимательской деятельности, а не создал данную организационно-правовую форму осуществления предпринимательской деятельности с целью видимости исполнения обязательств перед «дольщиками»¹⁶.

Четвертый критерий не является результатом анализа правоприменительной деятельности, а выводится путем сопоставления сферы действия ныне утратившей юридическую силу ст. 159.4 УК РФ и ее аналога — ч. 5—7 ст. 159 УК РФ, действующих на данный момент.

Так, ранее в п. 1.3.4 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 04.12.2013, применительно к ст. 159.4 УК РФ было разъяснено, что «для квалификации содеянного по ст. 159.4 УК РФ не имеет значения, кто является другой стороной договора (коммерческая организация, предприниматель или физическое лицо)»¹⁷. Однако в результате дополнения ст. 159 УК РФ частями 5, 6 и 7, которыми предусматривается ответственность за предпринимательское мошенничество, законодатель также ввел примечание 4 к ст. 159 УК РФ, которое, как нам представляется, значительно сужает сферу действия состава предпринимательского мошенничества, в силу того что действие ч. 5—7 данной статьи распространяется на преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Таким образом, законодатель теперь не считает мошенничество совершенным в сфере предпринимательской деятельности, если потерпевшей стороной выступает физическое лицо, не обладающее статусом индивидуального предпринимателя. Следовательно, данный факт необходимо учитывать правоприменителю при установлении признака «сфера предпринимательской деятельности».

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного суда РФ от 12.08.2014. Дело № 49-УД14-18 // URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=602754 (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁵ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 28.06.2016. Дело № 46-УД16-15 // URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1453350 (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 16.10.2014. Дело № 46-УД14-8 // URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=610606 (дата обращения: 12.03.2017).

Некоторые криминалисты, ссылаясь на ч. 3 ст. 20 УПК РФ, устанавливающую особый порядок уголовного преследования в отношении мошенничества и других преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, отмечают, что необходимо ограничить круг таких преступлений, исключив из него противоправные деяния, причиняющие вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо когда предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество¹⁸.

Однако с этой позицией согласиться сложно, так как она не имеет под собой юридических оснований, на что, в свою очередь, было обращено внимание в научной литературе. Так, П. С. Яни, анализируя ч. 3 ст. 20 УПК РФ, обоснованно пришел к выводу, что обозначенная норма уголовно-процессуального законодательства показывает, что соответствующие ограничения законодателем введены только в целях определения порядка возбуждения уголовных дел¹⁹. К тому же, как нами уже было отмечено, в примечании 4 ст. 159 УК РФ законодатель однозначно, без каких-либо изъятий, обозначил сферу действия ч. 5—7 ст. 159 УК РФ, в рамках которых, согласно ст. 113 ГК РФ, мошенническое посягательство в сфере предпринимательской деятельности может быть совершено в отношении имущества государственного или муниципального унитарного предприятия.

Пятый критерий, который, как нам думается, можно взять за основу при решении названной выше проблемы, основывается на идее, ранее высказанной А. С. Барабашом и А. П. Севастьяновым применительно к ст. 159.4 УК РФ. Эти

авторы отметили, что вопрос о том, относятся соответствующие отношения к сфере предпринимательской деятельности или нет, достаточно полно решен по существу только при разграничении подведомственности арбитражных судов и судов общей юрисдикции²⁰.

По нашему мнению, было бы вполне уместно для отграничения общего состава мошенничества от его специальной разновидности (ч. 5—7 ст. 159 УК РФ) использовать тот же подход, который используется для разграничения отношений, связанных и не связанных с предпринимательской деятельностью, при решении вопросов о подведомственности гражданских споров арбитражным судам. В частности, в ч. 1 и 2 ст. 27 АПК РФ разъясняется, что «арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке...». Похожее разъяснение содержится в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где отмечено, что «споры между гражданами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, а также между указанными гражданами и юридическими лицами разрешаются арбитражными судами, за исключением споров, не связанных с осуществлением гражданами предпринимательской деятельности... Учитывая, что граж-

¹⁷ Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ и постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013).

¹⁸ Третьяк М. И. Постановление Пленума Верховного Суда о признаках преступлений против собственности в сфере предпринимательства // Законность. 2015. № 4.

¹⁹ Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности // Законность. 2017. № 1.

²⁰ Барабаш А. С., Севастьянов А. П. Указ. соч. С. 198

данин, занимающийся предпринимательской деятельностью, но не прошедший государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, не приобретает в связи с занятием этой деятельностью статуса предпринимателя, споры с участием таких лиц, в том числе связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, подведомственны суду общей юрисдикции»²¹.

Таким образом, пятый критерий состоит из двух применяемых в совокупности аспектов, которые затрагивают сущность предпринимательской деятельности, а именно: 1) характеристики субъектного состава отношений и 2) экономического характера спора. Думается, именно поэтому законодатель в примечании 4 ст. 159 УК РФ отразил, что если субъектом правоотношения выступает хотя бы одно физическое лицо, не имеющее статуса индивидуального предпринимателя, то отношения не считаются связанными с предпринимательской деятельностью.

В заключение добавим, что сомнительным видится предложение отдельных авторов использовать в качестве критерия, разграничивающего общий состав мошенничества (ч. 1—4 ст. 159 УК РФ) и его специальную разновидность (ч. 5—7 ст. 159 УК РФ), способ распоряжения похищенным имуществом. В частности, Г. А. Есаков отмечает, что полученные в результате мошенничества денежные средства или иное имущество должны оставаться в предпринимательской сфере, обороте, а не переводиться в рамках сформировавшегося заранее единого умысла сразу же или по прошествии некоторого

времени в имущественную массу физического лица (в последнем случае применима общая норма о мошенничестве)²².

Прежде всего следует заметить, что никаких условий, связанных с целью хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество, в интерпретационных актах Верховного Суда РФ не содержится. Не следуют данные условия и из уголовного закона. Более того, на практике неиспользование похищенного имущества на нужды бизнеса не указывает на отсутствие признака «сфера предпринимательской деятельности», а расценивается в качестве доказательства того, что виновный не собирался исполнять взятые на себя договорные обязательства²³. К тому же, как было верно замечено Н. А. Егоровой, ограничительное толкование ч. 5 ст. 159 УК РФ привело бы к дополнительным квалификационным проблемам (например, в случаях, когда одна часть похищенного имущества была использована виновным для личных нужд, другая — для его коммерческой деятельности)²⁴.

Таким образом, приведенные выше критерии в достаточной мере коррелируют с разъяснениями Верховного Суда РФ, в которых указывается, что понимать под признаком «сфера предпринимательской деятельности» применительно к мошенничеству, ответственность за которое установлена ч. 5—7 ст. 159 УК РФ. Более того, мы убеждены, что представленные нами дополнительные ориентиры способны в значительной мере повысить эффективность применения уголовного законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России : научные очерки. — М. : Статут, РАП, 2008. — 368 с.

²¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9.

²² Есаков Г. А. Указ. соч. С. 44.

²³ Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 26.11.2015 по делу № 1-278/2015 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IgtoePJXugJc/> (дата обращения: 05.04.2017).

²⁴ Егорова Н. А. Новое в уголовном законодательстве о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2016. № 12.

2. Барабаш А. С., Севастьянов А. П. Обоснованность размера наказания за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности в связи с практикой квалификации мошенничества в сфере долевого строительства // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2014. — № 4 (41). — С. 195—199.
3. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. — СПб. : Юрид. центр-Пресс, 2007. — 765 с.
4. Егорова Н. А. Новое в уголовном законодательстве о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности // Российская юстиция. — 2016. — № 12.
5. Ершова И. В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // Lex Russica. — 2014. — № 2.
6. Ершова И. В., Иванова Т. М. Предпринимательское право : учебное пособие. — М. : Юриспруденция, 2000. — 416 с.
7. Есаков Г. А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. — 2014. — № 3. — С. 40—44.
8. Ильин И. В. Мошенничество, совершаемое в экономической сфере, как уголовно-правовой и криминологический феномен : монография. — М. : ВНИИ МВД России, 2010. — 218 с.
9. Лебедев К. К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты. Предпринимательское и коммерческое право в системе права и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин. — СПб. : Юрид. центр-Пресс, 2002. — 318 с.
10. Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник / Н. Н. Вознесенская, С. С. Занковский, В. В. Лаптев [и др.] ; под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 560 с.
11. Российское предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. — 4-е изд. — М. : Проспект, 2012. — 816 с.
12. Третьяк М. И. Постановление Пленума Верховного Суда о признаках преступлений против собственности в сфере предпринимательства // Законность. — 2015. — № 4.
13. Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности // Законность. — 2017. — № 1.

Материал поступил в редакцию 11 апреля 2017 г.

BUSINESS AS AN INDICATION OF THE OBJECTIVE SIDE OF FRAUD AS PROVIDED IN PARTS 5-7 OF ARTICLE 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

BOROVKOV Artyom Aleksandrovich — Postgraduate of the Department of Criminal Law, Institute of Law of the Siberian Federal University, Assistant
borovkov.aa@yandex.ru
660093, Russia, Krasnoyarsk, ul. Mayerchaka, d. 6

Abstract. *The article deals with the problem of establishing the content of the term “business” as the constitutive sign of fraud, which is set forth in Art. 159 Part 5-7 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the perspective of researchers, the provisions of the law and judicial practice. The author justifies the conclusion that when interpreting the term “business” law enforcers should refer to the definition of the term “entrepreneurship”, which is given in p. 1 of art. 2 of the Civil Code of the Russian Federation. The article notes that in order to improve the quality of law enforcement forensic investigative authorities need additional guidance, making it possible to differentiate between an overall elements of fraud and fraud committed in the sphere of entrepreneurial activity. On the basis of court practice on applying the rules on liability for business fraud and criminal law doctrine the author formulates criteria influencing the settlement of the question of the existence or absence of a feature of “entrepreneurial activity” in classification of fraudulent attacks.*

Keywords: *fraud; scope of business activities; subject of entrepreneurial activity; focus on systematic profit earning.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Andreev V. K. Predprinimatel'skoe zakonodatel'stvo Rossii : nauchnye ocherki. — M. : Statut, RAP, 2008. — 368 s.*
2. *Barabash A. S., Sevast'yanov A. P. Obosnovannost' razmera nakazaniya za moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti v svyazi s praktikoj kvalifikacii moshennichestva v sfere dolevogo stroitel'stva // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2014. — № 4 (41). — S. 195—199.*
3. *Volzhenkin B. V. Prestupleniya v sfere e'konomicheskoy deyatel'nosti po ugovnomu pravu Rossii. — SPb. : Yurid. centr-Press, 2007. — 765 c.*
4. *Egorova N. A. Novoe v ugovnom zakonodatel'stve o moshennichestve v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Rossijskaya yusticiya. — 2016. — № 12.*
5. *Ershova I. V. Ponyatie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v teorii i sudebnoj praktike // Lex Russica. — 2014. — № 2.*
6. *Ershova I. V., Ivanova T. M. Predprinimatel'skoe pravo : uchebnoe posobie. — M. : Yurisprudenciya, 2000. — 416 s.*
7. *Esakov G. A. Moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti (st. 159.4 UK RF): problemy primeneniya normy // Ugolovnoe pravo. — 2014. — № 3. — S. 40—44.*
8. *Il'in I. V. Moshennichestvo, sovershaemoe v e'konomicheskoy sfere, kak ugovno-pravovoj i kriminologicheskij fenomen : monografiya. — M. : VNII MVD Rossii, 2010. — 218 s.*
9. *Lebedev K. K. Predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo: sistemnye aspekty. Predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo v sisteme prava i zakonodatel'stva, sisteme yuridicheskix nauk i uchebnyx disciplin. — SPb. : Yurid. centr-Press, 2002. — 318 c.*
10. *Predprinimatel'skoe (hozyajstvennoe) pravo : uchebnik / N. N. Voznesenskaya, S. S. Zankovskij, V. V. Laptev [i dr.] ; pod red. V. V. Lapteva, S. S. Zankovskogo. — M. : Volters Kluver, 2006. — 560 s.*
11. *Rossijskoe predprinimatel'skoe pravo / otv. red. I. V. Ershova, G. D. Otnyukova. — 4-e izd. — M. : Prospekt, 2012. — 816 s.*
12. *Tret'yak M. I. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda o priznakax prestuplenij protiv sobstvennosti v sfere predprinimatel'stva // Zakonnost'. — 2015. — № 4.*
13. *Yani P. S. Predprinimatel'skie prestupleniya protiv sobstvennosti // Zakonnost'. — 2017. — № 1.*